Принцев много не бывает

Автор:
Юлия Климова

Принцев много не бывает

Юлия Климова

С улыбкой о любви

Ох уж эти сказки! Каждой принцессе полагается строго по одному принцу – все просто и ясно. Да, да, он обязательно прискачет на белом коне, если понадобится – спасет, а затем скажет те важные слова, от которых закружится голова и отчаянно застучит сердце! Но, к сожалению или к счастью, жизнь очень отличается от сказки. Александре Кожаевой, Анастасии Веретейниковой и юной англичанке Кэролайн Пейдж как раз предстоит убедиться в этом!

Один принц, второй, третий… А где же тот самый – единственный и неповторимый?! Наверное, уже близко. А сколько времени осталось до встречи с ним? Конечно же, считаные дни!

Юлия Климова

Принцев много не бывает

Чтобы еда получилась вкусной, в ней должны гармонично сочетаться противоположности: рассыпчатость и плотность, горечь и сладость, острота и тонкость, сочность и хрусткость. Но у кого хватит изобретательности и кротости хитроумно примирять противоположности? Легче их разделить. Так пусть же они соединятся тайком, проникнут контрабандой, оставим им лазейку…

Аньес Дезарт. «Съешь меня»

Англия, давно позабытый год

Чарльз Лестон был вполне досягаем. Его лишь два раза заслонила кокетливая Сьюзан Бакер и один раз вечно недовольная Эллис Кеннет, а в остальном поводов для грусти, волнения и вытягивания шеи совершенно не было. Конечно, и другие приглашенные мелькали перед глазами (то танцуя, то устремляясь в соседний зал) и закрывали крепкую фигуру Лестона, но на них Кэри не обращала внимания, поскольку уколы ревности в таких случаях ее не беспокоили: сердце продолжало стучать ровно, пальцы не теребили ленту пояса, и в душе не рождалась раздражительная досада.

Сьюзан Бакер. Белокурая красавица, и с этим никто спорить не станет. Поговаривали, что на нее заглядывается виконт Уилфред Беррингтон, но разговоры так и остались разговорами. Наверное, этот слух пустила ее родительница, желающая повысить рейтинг дочери.

«И почему про меня не пускают такие слухи?..» – Кэри разочарованно вздохнула и продолжила сверлить взглядом Лестона.

Эллис Кеннет. Ее почему-то всегда хочется рассматривать по частям. Высокий лоб, миндалевидные глаза, пухлые губы и аккуратный носик, который она постоянно морщит. Лебединая шея, округлые плечи, тонкая талия…

«Все же лучше я буду думать о ее носе… – Кэри посмотрела на Эллис и мысленно приказала: – Сморщи нос! Давай! Сморщи!»

Но юную прелестницу Кеннет в этот момент пригласили на танец, и она превратилась в само очарование – улыбка тронула губы, глаза засветились, правая рука плавно поднялась.

– Подумаешь… – прошептала Кэри и отвернулась. Она специально заняла место в углу зала, где стояли кресла для пожилых дам: леди Келли, леди Хокинз и леди Бутман, желая понаблюдать за окружающими. И особенно за Чарльзом Лестоном – самым красивым мужчиной на свете! Самым лучшим мужчиной на свете! Кэри хотелось танцевать только с ним, и отвлекаться на кого бы то ни было еще она не собиралась, а три пожилые леди служили гарантией того, что к ней никто не приблизится…

– Она шаркает ногой, – донесся голос леди Хокинз. – Я знала одну особу, шаркающую точно так же… Бедняжка умерла в родах.

– А Смиты опять в трауре? Тогда почему они здесь? – Леди Бутман подалась вперед и прищурилась. – Младшая дочь Элвина похожа на каракатицу, и у нее торчат уши!

– Тише, дорогая. Так нельзя, – укоризненно произнесла леди Келли. – Пусть лучше торчат уши, чем зубы, как у старшего сына Додсона.

«Да, здесь я в безопасности», – коротко улыбнулась Кэри, не сомневаясь, что никто добровольно не согласится даже пройти мимо трех пожилых дам, а уж задержаться на пару секунд… Но из укрытия она обязательно выйдет – чуть позже, когда Лестон закончит деловые разговоры.

– Гиббз женится на Глории Хейг. И правильно делает. – Леди Бутман от удовольствия заерзала в кресле. – У девочки желтая кожа и прыщавый нос, но зато весомое приданое. Только дурак отказался бы от такого счастья.

– Согласна, – важно кивнула леди Келли. – А на прыщи можно и не смотреть. Зачем вообще на них смотреть?

У Кэри с приданым были большие проблемы, и поэтому затронутая тема отдалась болезненным спазмом в животе. В подобных случаях обычно помогало только одно утешение: что ж, значит, ее полюбят не за деньги, а за внутреннюю и внешнюю красоту. Так она себе твердила с пятнадцати лет, и эта точка зрения иногда помогала взбодриться и почувствовать себя уверенно. Если посмотреть на ситуацию объективно, то на подобных вечерах она никогда и не «подпирала стены» – ее часто приглашали на танец приятные (и малоприятные) молодые люди, многие считают ее хорошенькой, а прошлой весной отец все же купил ей два умопомрачительных платья. Как говорит Дафна: «Кэролайн, у тебя вполне нормальные шансы удачно выйти замуж, только, пожалуйста, думай, прежде чем сказать что-нибудь». Но в замужестве Кэри не находила ничего интересного. В абстрактном замужестве. Вот только если этот шаг наконец-то разлучит ее с Дафной – второй женой отца и, соответственно, мачехой. Но стоит ли жертвовать своей дальнейшей жизнью ради этого? Вряд ли. Совсем же другое дело – любовь…

Чарльз Лестон закончил разговор с полным усатым мужчиной, поприветствовал седовласого джентльмена и обратил свой взор на скользящие по начищенному до блеска полу грациозные и неуклюжие пары. Теперь Кэри могла рассмотреть Лестона сосредоточено, с вдохновенной радостью – ни одной черточке не удалось бы укрыться от нее.

– Да, – тихо выдохнула Кэри и покинула свое убежище, пришло время быть на виду. Он должен ее увидеть!

Лестон чуть приподнял голову, заложил руки за спину и задумчиво сдвинул брови. Черная прядь волос съехала на лоб, по лицу скользнула тень иронии. Он пока еще не выбирал партнершу для танца, он тоже наблюдал, и происходящее явно казалось ему забавным. Видя перемену в его настроении и готовность перейти от дел к развлечениям, некоторые мамаши многозначительно посмотрели на своих дочерей, давая им знак немедленно выпрямить спины и приготовиться. Лестон считался одним из завидных женихов, к тому же имел особую притягательную внешность, так что родительницам можно было и не беспокоиться – дочери сами мечтали о такой партии, а большинство из них к тому же испытывали сердечный трепет по отношению к Лестону.

Кэри мысленно представила себя, стоящую рядом с ним, и нахмурилась, пытаясь понять: хорошо они смотрятся вместе или нет? Она худенькая, светловолосая, среднего роста. Нет, у нее не лебединая шея, как у Эллис Кеннет, и отсутствует очаровательная родинки на щеке, как у Сьюзан Бакер. Зато красивый рот… Вроде… Чувственные губы. Так пишут в романах об особенных женщин, в них влюбляется почти каждый мужчина. «О, чуть не забыла. У меня зеленые глаза!». Это был бесспорный плюс, рядом с которым заостренный подбородок воспринимался уже не так трагично.

Кэри и Чарльз Лестон были представлены друг другу, и случилось это тремя неделями ранее на балу у Крофтонов. Он пригласил ее четыре раза (не подряд, но это не важно), они танцевали и разговаривали… Было что-то тайное в его голосе, и дерзкое – в смехе. Лестон уверенно брал ее за руку и кружил, будто пушинку. Кэри не сбилась ни разу, хотя волнение подступило к горлу, а в ушах стучали молоточки. Такое с ней случилось впервые. Этот мужчина неведомым образом проник в душу и поселился там. Лестон шутил, а она ловко отбивала его фразы, он улыбался, и она улыбалась в ответ. «Я увижу вас еще? Когда?» – спросил он. «Скоро», – торопливо пообещала она, даже не представляя, возможно ли это. И вот судьба свела их в бордово-золотом зале… Помнит ли он

ее? Узнает ли?

– Кэролайн, – раздался за спиной требовательный голос Дафны. – Наконец-то ты соизволила покинуть леди Келли, леди Хокинз и леди Бутман. Этих трех едких и заносчивых черепах. – Она встала справа и недовольно поджала тонкие губы.

Кэри удрученно распрощалась с образами, нарисованными воображением, и покосилась на мачеху. «Папа, а почему ты женился на Дафне?», – как-то спросила она отца. «Я никогда раньше не видел такой тощей женщины, и это произвело на меня должное впечатление», – немного поразмыслив, ответил он. Кэри тоже никогда не видела таких тощих женщин и в одиннадцать лет посчитала данное объяснение вполне приемлемым.

– Ты не выйдешь замуж, если будешь настолько неразумной. Пожалуйста, не забывай о своем возрасте. – Лицо Дафны сморщилось, отчего сухая бумажная кожа покрылась мелкими морщинами. – Восемнадцать лет, моя дорогая, повод задуматься о многом… Как видишь, пока я еще питаю надежды относительно твоего счастливого и благоустроенного будущего. Если бы ты была моей дочерью, ты бы не стояла столбом, и половина присутствующих мужчин уже просила бы твоей руки. – Дафна фыркнула и окатила Кэри ледяным взглядом. – Посмотри на Маркуса Гилла или на Тода Джеффа. У каждого прекрасный годовой доход, а также родственные связи… Что ты молчишь, как не живая? Никто же не просит тебя замахиваться на Чарльза Лестона. Будь скромнее и получишь свое.

Кэри молчала по многим причинам.

Во-первых, эта тема была знакома до каждого слова. Даже два умопомрачительных платья ей купили только для того, чтобы побыстрее выдать замуж. Дела семьи шли так себе, и Дафна полагала, что удачное замужество Кэролайн станет отличным решением многих проблем.

Во-вторых, Маркус Гилл вызывал только антипатию, причем резкую. Он вечно улыбался, хрюкал, когда смеялся, и вообще отличался устойчивой глупостью.

В-третьих, Тод Джефф сделал ей предложение, но… другого рода. Кэри с удовольствием наступила ему на ногу и со всей силы врезала кулаком в грудь.

В-четвертых, она всегда удивлялась, когда слышала, какого мнения о себе Дафна… Мачеха считала себя чуть ли не роковой женщиной и искренне полагала, что джентльмены сдерживают свои порывы лишь потому, что не получают с ее стороны намеков. «Непозволительных намеков! Я жена Реймонда Пейджа, твоего отца, и свято помню об этом». Она часто намекала на особое происхождение своего имени, которое, по ее мнению, «наложило отпечаток на ее женскую сущность», и всегда чуть краснела, говоря об этом. Кэри было так интересно, о какой тайне речь, что однажды она отправилась в книжную лавку. Открыто взять с полки книгу по мифологии не представлялось возможным, ни для кого не было секретом, что подобные издания пестрят непристойными иллюстрациями. Но хозяин лавки вышел по своим делам, а его сын, рыженький мальчик лет двенадцати, проявлял большой интерес к происходящему за окном и при этом оставался равнодушен к покупательнице по имени Кэролайн Пейдж. Кэри довольно быстро нашла нужную полку и узнала, какая судьба была у дочери речного бога – Дафны, и о чем мечтал Аполлон, глядя на нее…

И в-пятых, один только вид Чарльза Лестона вызывал острое желание произнести заветные слова: «Да, я согласна». И Кэри ничуть не беспокоил тот факт, что в данном случае мачеха ожидает от нее скромности. Правда, в душе присутствовала некоторая настороженность, но это, наверное, от неопытности и страха испортить положение неловкой фразой.

– Иногда очень полезно послушать, о чем говорят… м-м-м… пожилые леди. Я старалась… м-м-м… да, – не особо пытаясь оправдаться, ответила Кэри. Белокурая Сьюзан Бакер находилась в трех шагах от Лестона (в опасной близости), Эллис Кеннет стояла напротив него на расстоянии пяти шагов (тоже опасная близость!), оставалось лишь вцепиться в атласный пояс платья и закусить губу. Конечно, ничего страшного, пусть пригласит сначала Сьюзан, потом Эллис… Не может же мужчина танцевать только с одной девушкой весь вечер. Да после этого он был бы обязан на ней жениться. Сразу! Но хочется быть первой… «Второй, третьей и последней…» – Кэри улыбнулась и опустила руку.

– Наконец-то ты улыбнулась. Это правильно. Например, твоего отца я поймала именно на улыбку.

«Только бы она ничего не заподозрила, – подумала Кэри и непринужденно огляделась по сторонам. – Нельзя, нельзя все время смотреть на Лестона, а то Дафна потом меня съест. Она скажет, что я трачу время на мужчину, который никогда не обратит на меня внимания, в то время как Маркус Гилл и Тод

Джефф… У-у-у…»

– Я обязательно буду улыбаться, – горячо заверила мачеху Кэри и взмолилась, чтобы та поскорее куда-нибудь ушла.

– Я рада, что хотя бы иногда ты прислушиваешься к моему мнению.

Довольная собой Дафна приподняла правую бровь, давая понять, что свой долг она выполняет исправно, развернулась и пошла в сторону одной из своих подруг – чопорной вдовы леди Ларкинз.

«Я свободна и готова к великим свершениям», – произнесла про себя Кэри и тут же встретилась взглядом с Чарльзом Лестоном.

Его поза больше не была расслабленной, наоборот, он подтянулся, подобрался и превратился в еще большего красавца. И он уж точно не интересовался Сьюзан Бакер или Эллис Кеннет. По лицу Лестона нельзя было понять, о чем он думает, но он неотрывно смотрел на нее – Кэролайн Пейдж.

«Что делать? – пролетел в голове нелепый вопрос, а в груди подпрыгнул радостный смех. – Он меня помнит! И сейчас он пригласит меня на танец…»

Чарльз Лестон сделал решительный шаг и направился в сторону Кэри.

Глава 1

Мобильный телефон рыдал на все лады скрипкой, виолончелью, гобоями, кларнетом и отчаянно призывал к себе тромбонами – симфонический оркестр старался так, что Александра приложила ладонь ко лбу и издала продолжительное: «м-м-м». Нужно сменить мелодию звонка или хотя бы сделать ее тише. И она, конечно, этим займется… обязательно… лет через триста.

– Я слышу и вижу, мама, но это твой пятнадцатый звонок за час. – На удивление спокойно и холодно произнесла Александра, опустив руку. – Да, я помню, что полгода назад умерла твоя троюродная сестра, благодаря которой я живу на

этом свете. Всем известно, мама, что когда тебе исполнилось тридцать лет, именно тетя Кира посоветовала не тянуть резину и родить от первого нормального встречного. – Александра досчитала до трех, вынула из формы уже остывший пышный бисквит и взяла в руки длинный остро отточенный нож. Секунду помедлив, она положила нож на стол. – Хорошо, мама, я отвечу…

Жизнь Александры Григорьевны Кожаевой давно разделилась на «до» и «после». С тех пор как она решила участвовать в престижном конкурсе поваров «Нота Вкуса», ее мысли в основном кружили вокруг богатого мира пряностей, а также не менее богатых миров соусов, супов, вторых блюд, закусок, десертов и прочее, прочее, прочее… Собственно, она жила этим всегда, но теперь ароматы стали острее и тоньше, цвета насыщеннее и ярче.

Нелегко было пробиться на первый отборочный тур, но Александра выполнила все условия, потратила полтора месяца на «возведение в квадрат» – так она называла процесс доведения рецепта до совершенства – и отлично выступила, предложив на суд жюри суп с картофелем, сырными галушками, почками и печенью. Баллов более чем хватило, чтобы получить приглашение на второй отборочный тур. Александра оплатила следующий взнос, достала бутылку белого сухого «Шабли», запекла форель лишь с солью и перцем (ничего лишнего в этот день!) и отметила это замечательное событие с Пьером – любимым мужчиной и по совместительству помощником. Именно он мыл, подавал и резал, пока она колдовала над почками и печенью.

Форель для маленького торжества она приготовила не случайно – это было символично, потому что теперь «возводить в квадрат» предстояло рецепт приготовления рыбы. Александра, как и все участники, продумала многое заранее, и, по сути, оставались только штрихи и многочисленные репетиции – приятные хлопоты, дарующие тихий восторг, уверенность в себе и постоянный непокой. А там, глядишь, и до самого конкурса рукой подать. Выпечка – уже объявленная тема профессионального конкурса поваров «Ноты Вкуса».

– Да, мама, я слушаю, – ответила она на вызов, и взгляд медленно поплыл по столу, перемешивая, соединяя, дорабатывая, изменяя…

– Я настаиваю, слышишь, я настаиваю на том, чтобы ты получила наследство. Я редко бываю строга, Саша, но это именно тот случай, когда…

– Я никуда не поеду.

– Кира, бедная моя Кира… Она была твоей крестной матерью… Как она любила тебя!

– Мама, извини, что напоминаю, но до ее кончины вы не виделись более тридцати лет, ты сама мне говорила об этом. – Понимая, что разговор может затянуться, Александра подошла к двери холодильной комнаты и прислонилась спиной к стене. – А я вообще не была знакома с ней.

– И несмотря на это, Кира не забыла о тебе. Хотя бы в знак благодарности можно оторваться от своих кастрюль и съездить за город? Между прочим, ты многим обязана своей троюродной тете.

– Да, я знаю. Даже то, что ты отдала меня в спецанглийскую школу – ее заслуга. Я помню эту историю. Когда ты была беременна, тетя Кира позвонила и сказала: «Антонина, если родится девочка, сделай все, чтобы она владела иностранными языками. Тогда она без проблем выйдет замуж за иностранца, и ты свою старость проведешь не в богадельне, а в Париже».

– Ты поедешь или нет?

– Нет, – думая о бисквите, ответила Александра.

– Саша!

– Хорошо, давай рассмотрим ситуацию еще раз. Я очень надеюсь, что ты поймешь, в какое нелепое положение я попаду, если послушаюсь тебя. Итак, тетя Кира умерла полгода назад…

Тетя Кира умерла полгода назад и оставила все свое состояние сыну – Константину. Состояние включало в себя: трехкомнатную квартиру на Дмитровской, шкатулку с кольцами, цепочками и браслетами, черную, потрепанную жизнью «Волгу» и дачный дом неподалеку от Москвы. Приняв на себя тяжкое бремя наследника, Константин практически сразу продал все, кроме квартиры, и женился в третий раз. Но оказалось, что перед смертью тетя Кира написала письмо своей троюродной сестре Антонине Игоревне Кожаевой –

матери Александры, в котором сообщала, что ее дочь не забыта. «Уж я не знаю, сколько проживу, возможно, дольше вас всех, но на всякий случай хочу тебе сказать, что самое дорогое, что у меня есть, я оставлю Александре. Все же я ее крестная мать и должна позаботиться о девочке. Маргарита рассказывала, что она у тебя до сих пор не замужем и с утра до вечера жарит котлеты в ресторане. В ее неустроенной жизни, конечно, есть и твоя и моя вина, но разговор сейчас не об этом… Александре я оставляю свои кофты (три штуки), одно шерстяное платье, облигации (они недействительны, но вдруг государство наведет порядок в этой стране), журналы с выкройками (я читала в газете, что мода каждые десять лет возвращается), костяной гребень моей бабушки, а также исторические ценности: книга о революционерах (я забыла каких годов), путеводитель по губерниям и рукописная книга понятия не имею о чем, потому что она на английском языке. Выглядит она, как заметки путешественника, абсолютно не умеющего рисовать. Может, так и есть. Кстати, моя бабушка отказывалась мне говорить, что там написано, таким образом она пыталась заставить меня выучить английский, но я любопытной никогда не была… Единственное, что я знаю, так это то, что в книге есть рецепт. Вроде рыбный… Не важно. Вот я и подумала, раз твоя Александра день и ночь жарит котлеты в ресторане, то ей будет интересно почитать. Надеюсь, ты заставила ее выучить хоть какой-нибудь иностранный язык, например, английский… Все перечисленное имущество хранится на даче уже лет пять. В сундуке. Там и найдете. Или попросите Константина, и он привезет его вам…» Письмо тетя Кира отдала на хранение Маргарите – своей двоюродной сестре. О чем та благополучно забыла и наткнулась на него лишь три дня назад, разбирая завалы бумаг, скопившиеся на антресоли.

– …дом, где хранился сундук, давно продан неизвестно кому. Сундука нет. Больше нет, – устало закончила Александра и направилась обратно к бисквиту. Обычно на этом месте разговор заходил в тупик и благополучно заканчивался. – Я предлагаю забыть об этом. – Она вновь взяла нож. – Жила же я как-то раньше без путеводителя по губерниям.

– Почему же продан неизвестно кому, – не без удовольствия протянула Антонина Игоревна. – Я позвонила Константину, и он сообщил не только где эта дача находится, но и имя покупателя. Саша, ситуации же бывают разные, купил человек дом, а до благоустройства руки не доходят, или проблемы финансовые какие – он и не ездит никуда, ничего не делает. И твое наследство в целости и сохранности.

– Да… – тихо ответила Александра, улетев в мир шоколадного крема, взбитых сливок и карамели. Ловко разделив бисквит на две части, получив два идеально ровных и одинаковых коржа, она прищурилась, прикидывая, а не добавить ли в будущий торт прослойку апельсинового конфитюра?

– Так я тебя убедила? – голос Антонины Игоревны стал бархатным. – Если костяной гребень тебе будет не нужен, то ты можешь отдать его мне.

– Ни гребень, ни три шерстяных платья, ни облигации мне не нужны…

Голос Александры стал еще тише, и Антонина Игоревна заподозрила неладное.

– Платье – одно, кофт три. Саша, ты слышишь меня? Чем ты занимаешься?

– Ломаю шоколад.

– Зачем?

– Все же шоколадная глазурь… Да, шоколадная, – произнесла Александра, сделав окончательный выбор.

– Ты совсем сошла с ума со своей кухней! – воскликнула Антонина Игоревна, поняв, что до согласия так же далеко, как и в начале разговора. – Ты до сих пор не замужем, потому что у тебя голова набекрень! Жаришь, паришь, а потом это нюхаешь! Нашла себе какого-то Пьера – полуфранцуза, полуповара, полуальфонса, и живешь, будто так и надо! А тебе уже тридцать четыре года, между прочим. Я внуков хочу!

– Мам, я тебе вечером позвоню, ладно? – так же спокойно и задумчиво ответила Александра и, дождавшись многозначительного «до свидания, моя дорогая дочь», положила мобильный телефон на стол. Ресторан откроется в одиннадцать, она специально пришла на четыре часа раньше, чтобы поколдовать в свое удовольствие, а сундуки, набитые бесценными сокровищами, все не дают и не дают покоя. Революционеры, губернии, шерстяные платья… – А если взять курагу? И немного обжаренных орехов?..

* * *

Пьер. Отец у него действительно француз. Ну и что?

Александра села в машину. Рабочий день позади, и теперь в голове гремят кастрюли и телефонные разговоры, взлетают облака муки, фырчат медальоны из свинины, жужжит миксер, и хлопают многочисленные дверцы шкафчиков.

«Мама, ты никак не можешь простить Пьеру, что он младше меня на четыре года. И именно поэтому ты считаешь его альфонсом. И почему он обязательно должен возглавлять кухню какого-нибудь ресторана? Достаточно того, что должность шеф-повара есть у меня».

Они познакомились год назад на Малом съезде поваров в Санкт-Петербурге. Почему это мероприятие называлось «съездом», Александра никогда не могла понять – встреча, включающая в себя доклад, раздачу рекламной продукции и фуршет, больше походила на затянувшуюся вечеринку. Но на это никто и не думал жаловаться, наоборот, дружеская атмосфера способствовала аншлагу. Пьер – худющий, высокий, с черными вьющимися волосами, соскучившимися по ножницам, произвел на нее впечатление сразу. На минуту Александра даже перестала мысленно толочь белый перец в новой мраморной ступке – еще не опробованной, купленной по случаю. Он слонялся без дела, болтал со многими и источал ту легкость, которой ей не хватало.

Пьер довольно быстро переехал к Александре, на Люсиновскую, и внес свою долю в быт в виде разбросанных белых рубашек и носков, кружек с остатками кофе, крошек от пирожных и хлеба. Он обожал сладкое и бутерброды с первоклассным сырокопченым мясом, нарезанным тоненько-тоненько. Островки беспорядка нравились Александре, и была в этом какая-то гармония – она устраивала бардак в кухне, а он – в двух комнатах. И к тому же их очень сильно объединяла Ее Величество Кулинария. Пьер готовил отменные десерты и обычно работал в кафе. Обычно, потому что ему часто становилось скучно, и он устремлялся на поиски новых горизонтов. Александра считала, что Пьер мог бы добиться многого, если бы однажды справился со своим непостоянством.

Она достала из сумочки ключи, открыла дверь, подумала: «Да, все же курага и орехи», и зашла в квартиру. Сняла босоножки и прислушалась.

– Пьер, ты дома?

Ей отвечала тишина.

Александра зашла в ванную и стала вспоминать, предупреждал ли он о том, что задержится, или нет?.. Если учесть, что она-то как раз задержалась, то Пьер должен был вернуться приблизительно час назад. Вытерев руки полотенцем, Александра взяла мобильный телефон и набрала номер.

– Недоступен, – прокомментировала она и нажала кнопку чайника. Взяла чашку и увидела белый листок на столе.

«Сашка, я форменная скотина, и с этим уже ничего не поделаешь. Надоело все, да и у тебя своя жизнь, а у меня своя. Я уехал. Сначала отдохну где-нибудь в теплых краях, а потом поищу новую работу и жилье. Вряд ли мы с тобой встретимся в ближайшие полгода, так что хочу напоследок поблагодарить за житье-бытье – спасибо, Сашка.

P.S. А теперь еще немного про форменную скотину… Я забрал папку с твоими бумагами. Понимаешь, есть некоторый спрос… Ну, и еще мне нужен рывок, а к этому делу я тоже немного причастен. Ладно, знаю, что оправдываться глупо…

Удачи! Ты же все равно справишься с любыми трудностями…

Пьер»

Какая уж тут курага с грецкими орехами… Александра посмотрела на чайник, потом на записку, а затем стрелой полетела в спальню. Папка! Папка с планами, рецептами, ингредиентами, фотографиями! Каждый лист – подготовка к отборочным турам конкурса поваров «Нота Вкуса»! И к самому конкурсу! Она выдвинула верхний ящик прикроватной тумбочки и увидела лишь пачку одноразовых носовых платков, журнал, несколько карандашей, ручек и три барбариски.

– Нет, – Александра замотала головой, не веря в происходящее. – Он не мог…

Она быстро выдвинула оставшиеся ящики.

Глупо было надеяться… Черным по белому: «Я забрал папку с твоими бумагам».

– Форменная скотина, – простонала Александра и стукнула кулаком по тумбочке, точно надеялась таким образом превратить Пьера в лепешку. Он украл у нее самое ценное из того что было. Да если бы он унес телевизор, украшения (правда, у нее их немного), серебряную подставку для ручек, деньги – пусть. Даже любимую мраморную ступку она бы ему простила! И чугунную тоже! Но ее веру и надежду – нет, нет и еще раз нет…

Через пятнадцать дней – второй отборочный тур.

Времени не осталось. Почти.

Конечно, есть файлы, и она помнит рецепт до миллиграмма (это же ее выстраданный, доведенный до совершенства, лаймовый соус!), но дело в том, что теперь она не может воспользоваться своими трудами, потому что Пьер украл бумаги вовсе не для того, чтобы читать их перед сном. На отдых и на временную безработицу нужны деньги, а они у него никогда не задерживались. Александра даже знала, кому Пьер захочет предложить этот рецепт… Или он оставит его себе – для рывка? Пятнадцать дней до второго отборочного тура – за эти дни ее лаймовый соус с легкой горчинкой и вспышками петрушки, базилика, тимьяна и розмарина станет русской народной песней! А она должна жюри предъявить абсолютно новое блюдо. Нельзя рисковать, можно потерять все и вдобавок получить вечный позор!

Александра с силой захлопнула верхний ящик и бросилась на кухню к телефону. Но Пьер по-прежнему был недоступен, и интуиция, тактично кашлянув, подсказала, что так будет всегда.

Англия, давно позабытый год

– Если бы я знал, что встречу вас здесь, я бы приехал раньше и не потратил целый час на беседу с Гилмором. Он отлично разбирается в лошадях, но, надо признать, слишком занудлив.

– К сожалению, я в лошадях ничего не понимаю, – честно призналась Кэри.

– Поверьте, вам и не нужно. – На лице Лестона появилась загадочная многозначительная улыбка.

Музыка пошла быстрее, и пришлось разбить пару, чтобы совершить круг с другими партнерами. Кэри поймала поочередно взгляды леди Келли, леди Хокинз и леди Бутман, и подумала, что сейчас три пожилые «едкие и заносчивые черепахи» с удовольствием погремят ее косточками. Бряк, бряк.

«Ну и гремите», – легко разрешила она, завершая круг.

Уверенная, твердая рука опять коснулась ее руки.

«Никто же не просит тебя замахиваться на Чарльза Лестона», – пролетели в голове слова мачехи, и Кэри на миг закрыла глаза.

Богатство вовсе не приравнивается к счастью, так какая разница, есть ли у ее отца деньги? Разве ее волнует годовой доход хотя бы одного присутствующего здесь джентльмена? Нет! Точно нет!

«Ничего Дафна не понимает в любви… Все у нее как-то не так…».

Кэри отмахнулась от сомнений и продолжила танец, бросая смелые взгляды на Лестона. Он отвечал тем же и иногда крепче сжимал ее пальцы – волна счастья пробегала по телу, а ноги немного немели.

– Вы будете у Кеннетов на следующей неделе? – спросил он, замедляя шаг.

– Да, мы приглашены.

Дафна обладала уникальной способностью – проникать всюду. Многие семьи со скромным достатком были вынуждены довольствоваться лишь приглашениями на незатейливые вечера соседей и друзей, но только не Пейджи. Каким-то непонятным для Кэри образом в их доме появлялись плотные карточки, украшенные узорами, извещающие о том, что мистер такой-то будет рад, если такого-то числа его посетят в его доме на улице такой-то. Дафна относилась к подобному вниманию как к естественной части своей жизни и часто добавляла: «С родственными связями твоего отца иначе и быть не может».

С детства Кэри знала, что в родне у них числится граф. Но родня эта такая дальняя, что упоминать о ней в обществе часто не следует. «Тебя могут

неправильно понять, моя дорогая, – говорила Дафна. – Люди завистливы и глупы. Но это не значит, что мы должны проявлять излишнюю скромность… А впрочем, ты еще юна, и не поймешь тонкости данного вопроса. Я знаю, где и как говорить о нашем положении, а этого вполне достаточно».

– Оставьте первые два танца за мной, прошу вас. – Лестон произнес слова тихо, наполняя их некоторой интимностью, и Кэри почувствовала как, раскинув руки, летит в пропасть блаженного восторга.

«Потому что я не морщу нос, как Сьюзан Бакер! – мысленно хихикнула она и поймала напряженный взгляд мачехи. – Милая Дафна, – с нотками вредности заскакали мысли, – милая, добрая, славная Дафна, я вовсе не трачу время попусту, – Кэри сжала губы, пряча счастливую улыбку. – Мне просто совершенно, то есть абсолютно не нравятся Маркус Гилл и Тод Джефф! Зато я каждый день сплю и вижу Чарльза Лестона! Может ли это извинить меня хоть немного? Милая, добрая, славная Дафна… Только, пожалуйста, ничего не говорите потом!»

– Да, хорошо, – ответила Кэри, и ее щеки предательски вспыхнули, что, конечно же, не укрылось от леди Келли, леди Хокинз и леди Бутман. А так же от Чарльза Лестона и Дафны. Наверное, стоило огорчиться (хотя бы немного), но этого не произошло.

«Ну и пусть, – упрямо подумала Кэри, – ну и пусть».

– Я не вижу вашего отца.

– Сегодня он остался дома.

– Могу ли я осмелиться на одно признание, Кэролайн?..

«Он назвал меня по имени… Просто по имени». Кэри сбилась с ритма, но лишь на секунду. Ей вдруг показалось, будто она стала выше ростом, стройнее, и шея уж точно превратилась в лебединую.

– Да…

– Вы очень красивы, Кэролайн.

Если бы Кэри Пейдж была слишком уж благонравной и чувствительной девушкой, она бы тотчас побледнела и потеряла сознание. Но эти качества не относились к ней, и к тому же музыка вновь разбила пары для очередного круга с другими партнерами.

«Дафна, спасибо, спасибо! – мысленно воскликнула Кэри, испытывая искреннюю благодарность мачехе за умение доставать приглашения. – Возможно ли, что я красивая?.. Да, конечно, почему бы и нет… – Она дернула плечиком, развернулась и подняла другую руку. Как же хотелось вновь оказаться рядом с Лестоном! – И вообще, у меня в роду есть граф. – Кэри улыбнулась, наклонила голову набок, остановилась на миг, как требовал танец, сделала шажок назад, вновь развернулась и пошла плавно. – Интересно, какие правила приличия можно нарушить? И хватит ли мне смелости? И стоит ли так поступать? И не слишком ли рано я думаю об этом?»

– Рано, – строгим шепотом одернула себя Кэри, но ее глаза хитро заблестели. Вспомнив, с каким удовольствием она раздавила ногу Тода Джеффа, она почувствовала себя самой счастливой на свете.

Круг закончился – Чарльз Лестон оказался рядом. Какие только романы не приписывали ему, но ни один не закончился браком… Почему? Двадцать восемь лет – хороший возраст для создания собственной семьи.

«Наверное, он ждал меня – Кэролайн Пейдж», – подумала Кэри, торопя время и события.

Глава 2

В ее квартире больше не будет разбросанных носков и рубашек, бесконечных кружек с недопитым кофе, клякс зубной пасты на раковине и крошек от песочных пирожных на столе. А покупать сырокопченое мясо она сама больше не станет. Никогда. Долой сырокопченое мясо! К черту его!

Утром осторожно, крадучись пришло осознание того, что навсегда утерян не только рецепт лаймового соуса, но и Пьер тоже. Начались скучание, тоска и раздражение… Александра, сославшись на сильную головную боль, не пошла на работу. Несмотря на августовскую жару, закрыла все окна, достала из верхнего ящика прикроватной тумбочки пачку одноразовых носовых платков и немного порыдала. Не очень-то получалось рыдать. «Слезы – не мой конек», – сокрушенно вздохнула она, желая отчаянно поплакать. Вдруг бы помогло и стало не так больно и тяжело. «Он же говорил… Так было хорошо… А теперь так не будет… Украл, все украл… Он же знал, что это для меня значит!»

Голова была пустой, и в ней больше ничего не складывалось, не соединялось, не перемешивалось, не жарилось, не варилось, не запекалось и даже не поливалось маслом. Тишина. И сердце не откликалось, молчало.

«Господи, я ничего не смогу придумать… Не успею и не смогу…» Для того, чтобы начать все заново и сотворить хоть что-то, требовалось вдохновение. Именно такое, какое бывает у художников, писателей и поэтов. А иначе – пустота. Старайся, ерзай, да хоть кряхти – пустота.

«Мы же вместе победили в первом туре… Он помогал!» А теперь рядом с ней нет человека, которого можно пригласить в команду. То есть коллег полно, но это совсем другой расклад, не те ощущения, не тот ритм… Кто-то уехал, кто-то занят, кто-то не справится.

Послышался телефонный звонок – виолончели, тромбоны, скрипки. Александра вздрогнула, посмотрела на мобильник и пришла к сокрушительному выводу, что у нее начались слуховые галлюцинации. Это нервы, нервы, нервы… Пьер никогда не наберет ее номера – у него теперь другие планы на жизнь. Форменная скотина.

– Если позвонит мама и…

И грянули виолончели, тромбоны, скрипки! «Мама» – горело на экране мобильника.

– Не сейчас, только не сейчас, – взмолилась Александра, протянула руку и взяла телефон. – Да, слушаю.

– Здравствуй, как твои дела?

– Перезвони на домашний, пожалуйста.

– Ты дома? Что-то случилось? Ты больна?

– Я рассталась с Пьером.

Раздались гудки, а затем запел уже домашний телефон. Скрывать правду не имело смысла, это был случай не из разряда: «поссорились, помирятся».

– А я всегда тебе говорила, что ничего хорошего из ваших отношений не выйдет. Ты сильно переживаешь? Как это произошло?

– Он просто ушел, и все, – Александра торопливо опустила подробности.

– Тебе необходимо отвлечься и развеяться. Поездка за город – это то, что нужно! Надеюсь, он у тебя ничего не украл? – деловито осведомилась Антонина Игоревна.

– Нет, конечно.

«Он украл все, абсолютно все, что мне было нужно для счастья! И я еще умудряюсь скучать по этому негодяю…»

– Я поговорила с Константином, к сожалению, он не хочет нам помогать. Якобы он находится в тяжелом, плачевном состоянии. Видите ли, ему месяц назад исполнилось сорок шесть лет, а его жена ждет двойню. И телефон этого Уфимцева он не нашел… Черствость и эгоизм! Я очень разозлилась на Константина и пожелала ему еще и тройню! – Антонина Игоревна фыркнула. – А нечего было жениться на молодой. Жена младше почти на двадцать лет. Так ему и надо! В общем, как ни крути, а придется тебе ехать…

«За костяным гребнем» – отозвалось эхом в голове, и Александра очнулась от страдальческих дум.

– Мама, я только что рассталась с Пьером… О чем ты говоришь?

– Ты встретишь другого мужчину в сто раз лучше. А сейчас тебя ждет наследство.

– Меня уже ничего не ждет…

Мысль оборвалась, а затем вспыхнула и обожгла мозг. Александра откинула одеяло, сунула ноги в мягкие коричневые тапочки с белыми помпонами и замерла.

«Единственное что я знаю, так это то, что в книге есть рецепт. Вроде рыбный… Неважно. Вот я и подумала, раз твоя Александра день и ночь жарит котлеты в ресторане, то ей будет интересно почитать».

Раньше эти строки письма пролетали мимо ушей, не задерживаясь. Они тонули вместе с путеводителем и революционерами в океане ненужности, а теперь вот всплыли и настойчиво маячили на поверхности.

Александра отправилась на кухню медленно, но затем ее шаг стал торопливее.

– У тебя депрессия, но это пройдет. Пьером больше, Пьером меньше. Кто считает этих Пьеров! Хотя мне не нравится частая смена партнеров. Кажется, это сейчас так называется?

– Каких партнеров? – не поняла Александра.

– Саша, ты опять витаешь в облаках!

– Как, ты сказала, зовут нового владельца дома? Дачного дома тети Киры?

– Глеб Уфимцев. А что? Ты надумала и поедешь?

Да какая разница? Почему бы и не поехать… Взять себя в руки и работать она не может, в четырех стенах ей плохо, потому что нет разбросанных носков, нет крошек.

– Посмотрим… А его телефона, значит, нет?

– Нет. Константин свое наследство получил, а о нашем голова не болит. Ну, надеюсь, скоро у него заболит кое-что другое.

– Что именно? – спросила Александра.

– Его большие уши. Близнецы – это тебе не шуточки!

– Наверное, мне понадобится письмо, как доказательство… Это все ужасно спорно, а со стороны вообще выглядит нелепо. И не только со стороны. Никто не обязан пускать меня в свой дом, а уж давать возможность порыться в вещах…

– Это последняя воля твоей крестной матери, – надавила Антонина Игоревна.

Александра открыла дверцу холодильника и посмотрела на пустые полки – сапожник без сапог. «А если действительно я найду в сундуке рецепт? На английском языке… Какого года издания эта книга? Она же рукописная… Нет, вряд ли это книга. Не миллион же ей лет! Это чьи-то заметки. Но чьи? Вдруг там что-то стоящее… И это стоящее можно возвести в квадрат… Поехать или не поехать?»

Условия, выдвинутые организаторами конкурса, допускали приготовление блюда по рецепту, созданному совместными усилиями. Главное – оно должно быть новым. Некоторые рестораны в рекламных целях собирали команду профессионалов, которая трудилась над шедевром день и ночь, а представляли результат шеф-повар и его помощник. Подобная тактика приводила к хорошим результатам, но сама Александра относилась к одиночкам и делить победу ни с кем не хотела. Только с Пьером, но и это уже в прошлом.

– Хорошо, я поеду. Завтра суббота, возможно, хозяин и дома. Но я очень сомневаюсь, что сундук еще жив. – Она посмотрела на стол и тяжело вздохнула, не обнаружив ни одной крошки. «Нет, мужчин в моей жизни больше не будет. С меня хватит», – твердо решила Александра.

* * *

Утром пришлось признать – она сошла с ума. Как в сказке: пойди туда, не знаю куда, и принеси то, не знаю что. Обычно такие задания давались Иванушкам-дурачкам.

– Иванушки, правда, всегда возвращались целыми и невредимыми и приносили царю какую-нибудь диковину, – выдавив на щетку зубную пасту, посмотрев на себя в зеркало, рассудительно произнесла Александра. Но тут же вновь усомнилась в здоровье своего рассудка.

«Представляю, как я буду выглядеть… А письмо тети Киры – доказательство моих прав… Вообще кошмар и стыд. Я, видите ли, жарю котлеты с утра и до вечера, – В душе Александры раздулась профессиональная гордость. – Да я придумываю то, чего никогда не было! При-ду-мы-ва-ла…»

Она принялась чистить зубы так, точно это были закопченные кастрюли нерадивого трактирщика. Каждую секунду она прислушивалась к себе, надеясь ухватить ту нить, которая связывала ее с тайнами кухни, но, увы, того приятного томительного волнения и непокоя в ней больше не было. Ноль ароматов, ноль идей, ноль вкусовых ощущений.

Александра прополоскала рот, выплюнула воду, умыла лицо и направилась в комнату.

– Пьер, ты самый настоящий подлец. Ты украл у меня вдохновение.

«Я поеду, поеду в это Лукоморье, – твердила она через пять минут, собираясь в дорогу. – В письме все подробности, и какая разница, что подумает обо мне какой-то там Уфимцев. Да, я иногда жарю котлеты… Но это самые лучшие котлеты! Самые вкусные!»

Нервы натянулись, и Александра стала собираться еще быстрее.

– Я еду туда, не знаю куда, и обязательно привезу то, не знаю что. Как в сказке.

Она все же набрала еще раз номер Пьера и терпеливо выслушала сообщение о том, что он недоступен. Как мог он где-то отдыхать, загорать, пить хорошие вина, смеяться и не вспоминать о ней? И о своей подлости не вспоминать. Разве

можно жить весело после такого? Пусть бы Пьер вернул папку почтой или подбросил как-нибудь. И она бы знала – ему стыдно, он сожалеет, он больше никогда не будет поступать подобным образом… Но он же не пришлет. И не подбросит.

– Если хочешь, я поеду с тобой, – неожиданно предложила Антонина Игоревна, когда Александра заехала к ней за письмом.

– Спасибо, нет. Я сама.

Если бы она согласилась на это предложение, то тогда бы тромбоны и виолончели поселились в ее голове навсегда.

«Здравствуйте, Глеб. Моя троюродная тетя оставила в этом доме сундук с несметными богатствами, не подскажете, в каком углу он стоит?» Двигаясь в сторону МКАД, Александра с грустной иронией подбирала слова для разговора с неведомым Уфимцевым. «Собственно, мне нужен только костяной гребень для мамы и одна книжка на английском языке. Вы же все равно не знаете английского, отдайте ее, пожалуйста, мне по-хорошему».

– Он выставит меня за дверь, и будет прав, – пришла к неутешительному выводу Александра.

«Представляю, как будет смешно, если я все же раздобуду эту книгу и окажется, что речь шла всего лишь о рецепте жареной мойвы».

До дачного участка Александра добралась за сорок минут. Хлопнув дверцей машины, одернув тонкую белую кофточку, она огляделась по сторонам. Поселок был старый – кругом росли раскидистые яблони и груши, облепиха, вишня, слива, и вся эта зелень в основном окружала дома, построенные лет двадцать назад. В глаза бросились лишь три новых высоких кирпичных дома, один из которых находился в процессе строительства и пока не мог похвастаться наличием крыши и застекленных окон.

«Если один из них мой, то время потрачено зря, – с тоской подумала Александра. – От сундука и щепок в таком случае не осталось».

Адрес был торопливо написан на конверте, и она достала его из сумочки, чтобы освежить в памяти номер дома и путь к нему.

– Свернуть сразу после сторожки, – тихо произнесла Александра. Взгляд остановился на конуре, из которой высовывалась лохматая морда собаки. – Понятно…

Александра вернулась за руль и поехала дальше. Три новых дома находились правее, и в душе забрезжила надежда, что дом тети Киры остался нетронутым. Если хозяина нет, то она обратится к соседям, возможно, они помогут дозвониться до Уфимцева.

«Я приехала забрать то, что принадлежит мне», – приободрила себя Александра, но, вспомнив содержание письма, издала еле слышный стон отчаяния. «Маргарита рассказывала, что она у тебя до сих пор не замужем и с утра до вечера жарит котлеты в ресторане. В ее неустроенной жизни, конечно, есть и твоя и моя вина, но разговор сейчас не об этом…» Как такое можно дать прочитать совершенно постороннему человеку? Да к тому же – мужчине. Хорошо, если этот Уфимцев древний подслеповатый дед, глядишь и перепрыгнет через пару строчек, а если нет?

«Всего лишь минута позора, всего лишь минута позора… – занялась самовнушением Александра. – А вот и дом тети Киры – номер двадцать пять».

Старый забор был свежевыкрашен в веселенький голубой цвет, калитка – в желтый. Странный выбор, но хозяина такое сочетание, видимо, устраивало.

Дом никто и не думал сносить или перестраивать, он возвышался над заросшим травой участком и демонстрировал всем и каждому облупившуюся зеленую краску на стенах, изогнутую антенну на крыше, выцветшие занавески на окнах и приоткрытую коричневую дверь.

«Он здесь, – подумала Александра. – А вдруг получится поговорить с его женой или матерью… Было бы проще». Ей мгновенно захотелось оказаться на кухне своего ресторана среди привычных вещей и продуктов. Она бы сейчас нарезала тонкой соломкой отварную говядину, добавила бы соломку дайкона… Александра замерла, надеясь, что вот сейчас, в эту минуту к ней вернется вдохновение!

Но… Да, она знает, что добавить к говядине и дайкону, но это знание идет от головы, а не от сердца…

– Ладно, нечего тянуть, – буркнула она и громко произнесла: – Добрый день! Могу я поговорить с Глебом Уфимцевым?

«Хорошо бы письмо не пришлось показывать. Кому нужен старый сундук, набитый чужими пыльными вещами?»

Англия, давно позабытый год

Кэри знала, что очень часто неосторожные торопливые поступки приводят к разочарованию. То есть один человек вполне может сильно изумиться, почувствовать некоторую растерянность и затем изменить свое отношение к другому человеку. Но в тот момент, когда она брала лист бумаги и перо, она вовсе не рассматривала свои действия как недопустимые или опрометчивые. Скорее – смелые! Нет, нет, она не собирается писать о своих чувствах (ни за что на свете! и нужно еще разобраться в них…), ее послание будет кратким, сдержанным и немного дружеским. Всем приятно получать письма, а значит, Чарльз Лестон уж точно не расстроится, взяв в руки конверт. Если бы она объяснилась в следующих вдохновенных фразах: «о мой единственный и неповторимый!» или «вы точно солнце озарили мою жизнь!» (такое послание, по слухам, написала своему возлюбленному Эдит Кук, но письмо перехватила тетушка молодого человека), то позор, бесспорно, был бы неминуем, а если о погоде… То беспокоиться не о чем.

– Он мог бы и сам мне написать, – легко произнесла Кэри, устраиваясь за столом.

«Но не написал же», – скрипнул в душе ответ.

– Не успел. И он не знает подробностей моей жизни.

Если посмотреть на Дафну, то сразу станет ясно, что мимо нее никакая корреспонденция пройти не может.

«Тогда почему же ты надеешься на ответ?»

– Он же сказал, что я красивая…

«Но Дафна…»

– Мне обязательно повезет!

Аккуратно и ровно написав сдержанное приветствие, Кэри с минуту думала, а затем вывела не менее аккуратно и ровно:

«Два дня стоит прекрасная погода, единственное огорчение – это туман. Но после таких дождей странно бы было ожидать его отсутствие».

Второе предложение показалось запутанным, корявым и совершенно глупым. Кэри взяла другой лист и вновь задумалась. К сожалению, написать просто и ясно не представлялось возможным, в голове царила неразбериха, и приходилось постоянно заменять одно слово другим (более приемлемым), отчего терялась ясность и «возникали бугры». Наконец, письмо было готово: приветствие, шесть строк ни о чем, включающих упоминание о предстоящем бале у Кеннетов, и прощание. Кэри осталась довольна собой, и теперь только оставалось осуществить вторую часть дерзкого плана – передать конверт Лестону.

– Он обрадуется. Точно.

Улыбнувшись, представив его удивление, она подперла щеку кулаком и поджала губы. Какие странные правила царят в обществе. Почему отлучиться из дома более чем на семь минут без сопровождения считается грубым нарушением норм морали, но если ты идешь к аптекарю, то это совсем другое дело? Разве по дороге за лекарствами с девушкой не могут случиться серьезные неприятности (например, на нее заглядится какой-нибудь статный джентльмен)? Кэри усмехнулась. Или почему при игре в прятки разрешается просидеть в кладовой с мистером Хоггартом целых десять минут (а то и пятнадцать!), но если провести с ним то же время в саду во время танцев – это будет почти скандал?

Известив Дафну о своей прогулке к аптекарю («последнее время я плохо сплю, мне бы очень помог травяной настой с мятой… м-м-м… он же помог вам на прошлой неделе»), избавившись таким образом от обязательного сопровождения, Кэри надела накидку и вышла из дома. Погода действительно

стояла прекрасная, а от утреннего тумана не осталось и следа. Немного пахло сыростью, но запах даже нравился – это был запах осени, любимого времени года.

Она прошла мимо небольших аккуратных клумб, задержала взгляд на цветах-колокольчиках, свисающих из ящиков, прикрепленных к ограде, миновала потертые лавочки, тянущиеся вдоль ровно постриженных кустарников и свернула к лавке аптекаря. В какую сторону идти, по сути не имело значение, ей нужен был мальчишка. Смышленый и ловкий, готовый за монету доставить письмо куда угодно. А Чарльз Лестон живет не так уж и далеко! В свое время Дафна сделала все возможное и невозможное, чтобы их семейство поселилось рядом с престижным районом. Они бы здорово сэкономили, если бы переехали, например, в пригород или выбрали улицу, расположенную немного восточнее, но мачеха была непреклонна и не только вцепилась в их нынешний дом мертвой хваткой, но и заодно устроила скандал в семействе Бенсонов – бедняги тоже имели виды на небольшой ладный дом, облюбованный Дафной. «Они смотрели на меня так, будто у них есть хоть какое-то право проживать в этих комнатах! – возмущалась тогда мачеха, мечась от окна к двери. – Неужели эти люди полагают, что у них есть хоть какое-то преимущество перед Пейджами! Я всегда говорила, что Шарлота – курица, а ее муженек Джейк – сущий болван».

С мальчишкой Кэри повезло, он не только быстро согласился, но и спросил: дождаться ли ответа? Договорившись с ним о встрече позже, она отдала письмо и, по-прежнему надеясь на удачу, заторопилась обратно. Шаловливая улыбка не сходила с лица всю дорогу, Кэри взяла себя в руки, только когда коснулась тяжелого дверного кольца. Ждать, теперь оставалось только ждать…

Глава 3

Она еще раз крикнула: «Добрый день!», но дверь не распахнулась, в ответ не раздался женский или мужской голос, и хозяин так и не появился. Александра пожала плечами, покосилась на щеколду калитки (открыто) и зашла на участок.

К дому вела дорожка из бордовой плитки, местами отколотая, стертая, изменившая цвет на более темный. Слева рядком располагались три сиротливые клумбы, обнесенные серыми камнями. На них практически не было

растительности – лишь сухая потрескавшаяся земля, и поэтому они напомнили сковородки, поцарапанные жесткими губками для мытья посуды. Зато все остальное пространство занимала трава. Справа Александра увидела вытоптанный почти идеальный квадрат, несколько яблонь, крапиву и малину, кусты которой тянулись до покосившегося туалета, выкрашенного стандартной темно-зеленой краской. Сарай, вишня, грядки с ухоженной зеленью, банька, хороший мангал и веревка от березы к клену, на которой висели две белые мужские майки, черная футболка и синие плавки.

«Похоже, женщин здесь нет…» – огорченно подумала Александра и пошла по дорожке к дому.

– Добрый день! – крикнула она вновь, чувствуя себя неуютно. Но ответа опять не последовало.

«Может, он ушел и скоро вернется?»

Александра посмотрела на соседский участок (не сходить ли и не спросить?) и переключилась на воображаемую соломку из говядины и дайкона. Две аккуратные горки на доски, в ее руке – острый нож и… В доме раздался хлопок, будто резко закрыли дверцу шкафа. Александра от неожиданности вздрогнула, а затем рассердилась. «Я здороваюсь, зову, а он не отвечает. Невозможно же не слышать. Сколько я еще могу здесь стоять?» Но как только она поднялась на три ступеньки, сразу вернулась неловкость – все же она собиралась без приглашения пробраться на чужую территорию.

– Хозяева есть? – шире открыв дверь, не слишком громко спросила Александра.

Она к своему удивлению уловила в воздухе тонкие ароматы специй, а так же смесь запахов петрушки и кориандра. – Лимон… Да, еще лимон… – произнесла она тихо, сняла босоножки и пошла на запахи, как на зов. Оставив за спиной застекленную веранду, Александра услышала приглушенный кашель, бряцанье крышки о кастрюлю и неопознанный шуршащий звук. Она решительно открыла следующую дверь и увидела огромного мужчину, одетого в тельняшку и джинсы. Он стоял к ней боком – небритый с взъерошенными волосами, босой… «Настоящий медведь», – подумала Александра и покачала головой, сомневаясь, что найдет с этим человеком общий язык.

– Хозяев нет, – произнес он, не поворачиваясь в сторону гостьи, и протянул руку к стакану. Похоже, он взял со стола таблетку и проглотил ее, сделав три больших глотка воды.

– Вы – Глеб Уфимцев?

Теперь он повернулся и посмотрел на нее.

«Да, это он», – поняла по недовольному выражению лица «медведя» Александра, и ее взгляд, скользнув немного ниже, зацепился за луковицу, разрезанную пополам, перескочил на бутылку с соевым соусом, а уж затем пошел гулять везде, где только можно.

– Да. Но меня нет дома, – отрезал Уфимцев.

Ответ Александра пропустила мимо ушей – в груди у нее запекло, заволновалось. В голове на короткий миг образовалась каша из обрывков рецептов, абзацев книг, неровных строк собственных торопливых записей, характеристик продуктов и прочее, прочее, прочее… Томительный непокой, исчезнувший вместе с Пьером, на короткий миг вернулся. Вернулся и исчез.

Уфимцев отвернулся, взял нож и в считанные секунды превратил две половинки луковицы в горку малюсеньких кубиков.

– Меня нет дома, – хрипло повторил он, сверкнул темными глазами в сторону Александры и переключил внимание на прозрачную стеклянную миску, в которой лежал кусок мяса. Но затем быстро крутанул кран, вымыл руки, резко взял полотенце и добавил: – Я не знаю, зачем вы пришли, и не хочу этого знать. Черт… Минуты вам хватит? Говорите, что нужно?

«Мне нужен сундук», – мысленно ответила Александра, представляя, как вытянется лицо Уфимцева, как он округлит глаза, а затем рявкнет: «Убирайтесь отсюда вон! Ваш сундук я вчера съел на ужин! Съел и не поперхнулся даже!» Ну и пусть говорит, что хочет. Должна же она хотя бы попытаться…

Уфимцев отшвырнул полотенце на стол, развернулся и пошел ей навстречу. Широкое лицо, хмурые брови, темные блестящие глаза, тяжелый шаг… А какой

еще может быть шаг у такого гиганта? Он остановился в метре от нее.

«Я приехала за книгой, за наследством», – тоже начиная испытывать раздражение, подумала Александра.

– Этот дом раньше принадлежал троюродной сестре моей матери, – спокойно произнесла она. – Шаляпиной Кире Кондратьевне. Затем он по наследству перешел к ее сыну Константину. А затем его купили вы.

– Да, купил, – согласился Уфимцев и усмехнулся со злой иронией. – Купил, чтобы время от времени находиться в тишине и покое. Кто же знал, что ни того, ни другого я здесь не получу.

– На чердаке этого дома…

– Моего дома, – поправил Уфимцев.

– Хранятся вещи, принадлежащие мне, – проигнорировав уточнение, продолжила объяснять таким же ровным тоном Александра. Нет, она не собирается включаться в длительные малоприятные дискуссии – этого ей только не хватало… – Тетя Кира… Кира Кондратьевна Шаляпина завещала их мне, но я узнала об этом только сейчас…

– Очень интересная история, – Уфимцев развел руками, презрительно скривил губы, потер небритую щеку и осведомился с издевательскими нотами в голосе: – Золото, бриллианты? Где лежат? На чердак пойдем вместе? И самое главное, что меня беспокоит: у вас есть нотариально оформленное завещание?

«Мама, нужно было взять тебя с собой! – вспыхнула Александра. – Я же говорила: он ничего не отдаст. И, кажется, он принимает меня за идиотку… Впрочем, и это я тоже предрекала…»

Но она проделала слишком долгий путь, чтобы теперь просто сдаться и уйти. К тому же непонятная непреодолимая сила потянула ее вперед – к потертой, наверняка скрипучей, лестнице, ведущей на чердак. Александра посмотрела на Уфимцева, а затем повернула голову вправо и мысленно устремилась по ступеням вверх. Непокой вновь вспыхнул в груди и будто кто-то шепнул на ухо:

«Не уходи, рецепт существует, он нужен тебе… Иди наверх…» Александра еще более остро почувствовала запах лука и свежей зелени.

– У меня есть письмо. Кира Кондратьевна написала его незадолго до смерти. В письме содержится перечень тех вещей, которые она мне завещала.

– И могу я поинтересоваться, что это?

– Да. – Александра кивнула и по памяти перечислила: – Три кофты, шерстяное платье, облигации, стопка журналов, костяной гребень, книги.

– И все это, конечно, зарыто под какой-нибудь яблоней или спрятано в потайной комнате? Будем рыть землю и простукивать стены? – Брови Уфимцева вопросительно поднялись.

«Медведь… Бурый медведь!» Александра досчитала до десяти, успокаиваясь, и продолжила «интеллигентную беседу».

– Все гораздо проще. Раньше вещи лежали в сундуке на чердаке…

– В сундуке? – перебил Уфимцев. – Как романтично.

– Если вы их не…

– Не прибрал к рукам? О, уверяю вас, я не вынимал из сундука и не носил кофты Киры Кондратьевны Шаляпиной. И костяным гребнем не расчесывался! – Он хрипло засмеялся, пригладил пятерней взлохмаченные на затылке волосы, закашлял, а затем протянул руку, да так резко, что Александра вздрогнула от неожиданности. – Письмо, – потребовал он. – Давайте его мне. С удовольствием почитаю.

– Неужели вы думаете, что я ехала к вам почти час, чтобы обмануть и…

– Письмо, – вновь перебил Уфимцев.

Александра представила, как он берет в руки листок, разворачивает его и читает про… котлеты. Можно не сомневаться, через минуту дом сотрясется от

еще более громкого смеха – зазвенят стекла в окнах, задребезжит на столе нож и задрожат мелкие кубики нарезанного лука. А потом этот «медведь» еще прочитает о ее неустроенной личной жизни, и его темные глаза, наверняка, презрительно сощурятся…

Александра достала конверт из сумочки и мужественно протянула Уфимцеву. «Пусть читает, – она коротко вздохнула и чуть приподняла подбородок. – Неважно, пусть читает». Какое ей дело до того, что подумает этот человек? Но, с другой стороны, совершенно неясно, чего стоит ожидать от нового хозяина дома. Раньше он понятия не имел о рукописной книге на английском языке («или это все же чьи-то заметки… но почему не на русском?.. разве у тети Киры были знакомые англичане?..»), а теперь вот узнает и захочет оставить себе. Александра опустила руку, а затем быстро убрала конверт обратно в сумку. Конечно, Уфимцев не позволит забрать вещи, предварительно не рассмотрев их хорошенько, но одно дело – прочитать и настроиться, а другое – ознакомиться бегло.

– Письмо содержит личную информацию, и я не считаю нужным отдавать его вам. Глеб… Могу я вас так называть? – спросила Александра осторожно и, получив в ответ лишь морщину на лбу «медведя», продолжила: – Глеб, послушайте, я прошу лишь несколько вещей… Для вас в них нет никакой ценности. Пожалуйста, позвольте мне забрать одежду Киры Кондратьевны, гребень и три книги.

– Значит, не дадите письмо? – уточнил Уфимцев.

– Я полагаю, это лишнее.

– Как хотите, – бросил он и вернулся к кухонным столам, разделочной доске и куску мяса. – А вообще спешу вас расстроить – я давным-давно все выбросил.

– Что выбросили? – спросила Александра, чувствуя, как холодеют пальцы.

– Весь тот хлам, которым был завален чердак. Должен же я где-то хранить свои вещи, – он усмехнулся и взял нож. – Я, может, тоже попозже хочу кому-нибудь завещать накопленные богатства. У меня есть три спиннинга, отличный набор блесен, насос, ласты, веник, украшенный какой-то хренью, два больших глиняных горшка и пять блокнотов в клеточку. Так что возвращайтесь домой.

Приятно было познакомиться!

Александра сжала сначала губы, а затем кулаки. Так, по порядку… Она пошла на поводу у мамы, понадеялась на рецепт, преодолела десятки километров, и это все только для того, чтобы пообщаться с, мягко говоря, малоприятным человеком, который отправил на помойку (или бросил в костер) ее наследство. И как назло, как назло ее тянет по ступенькам вверх – на чердак, и тонкий аромат лимона щекочет нос… И лук… И петрушка… А вон стоит бутылочка с соевым соусом…

– Мы с вами не знакомились, – произнесла Александра тихо и несколько заторможено, уносясь в далекие дали, в страну, где кислое, сладкое, горькое, соленое, острое, мягкое правит балом и позволяет творить…

– Глеб Уфимцев, – равнодушно бросил он и уверенным движением разрезал кусок мяса пополам. – Но, кажется, мы это уже выяснили.

– Александра Кожаева, – ответила она так же тихо и, не обращая внимания на хозяина дома, сделала пять шагов к лестнице.

– А знаете, – бодро произнес Уфимцев, – я, пожалуй провожу вас до калитки. – Торопливо вытерев руки полотенцем, он преодолел небольшое расстояние между ними и сделал пригласительный жест в сторону двери. – Пойдемте, Александра. Дело в том, что я чертовски занят, а так как мы с вами уже выяснили, что от наследства остались рожки да ножки, то… – Он осекся, помолчал и добавил: – Но если мне где-нибудь когда-нибудь попадется костяной гребень, я обязательно вас разыщу.

Александра смотрела на Уфимцева. Заторможенность прошла, запахи больше не тревожили ее: одни притупились, другие исчезли. Последняя фраза «медведя» прозвучала как хруст сухих веток. Совершенно не получалось понять – поиздевался он немного или сказал серьезно. На его висках выступили мелкие капельки пота, дыхание было тяжелым, болезненным, обветренные губы немного шелушились, а седина на висках и небритых щеках бросалась в глаза. «Перевалило за сорок», – промелькнула мысль о возрасте «медведя».

– Я бы хотела убедиться в том, что вы говорите правду, – услышала Александра собственный голос.

– В своем доме вы можете убеждаться в чем угодно, а с меня этой комедии хватит. – Уфимцев сверкнул глазами, широко распахнул дверь и сердито добавил: – До свидания. А вернее – прощайте, очень жаль, что не смог вам помочь.

Александра поправила ремешок сумочки на плече, тоже сверкнула глазами и вышла из дома. «Медведь» действительно проводил ее до калитки и без промедления лязгнул щеколдой. Буркнул напоследок второе «прощайте» и направился обратно к дому, мимо трех клумб-сковородок, дряхлой бочки, малины, крапивы и покосившейся скамейки. Глядя ему в след, Александра старательно сдерживала рвущуюся на свободу волну праведного гнева, но удушливое отчаяние уже подбиралось к горлу, а потом запели скрипки, виолончели и тромбоны.

– Да, мама, уже побывала… Возвращаюсь… Каков результат? Только что твою дочь выставили за дверь. Нет, даже гребень мне не удалось раздобыть… Нет, нет и нет… Ни за что на свете. Если хочешь, ты можешь теперь сама поехать к Глебу Уфимцеву. – Александра подошла к машине и переложила телефон в другую руку. – Он медведь, понимаешь? Разговаривать с ним совершенно бесполезно, я, во всяком случае, больше этого делать не стану.

Почувствовав новый приступ отчаяния, она быстро закончила разговор, обернулась и в последний раз посмотрел на дом. Маленькое окошко чердака звало и манило ее… Нахмурившись, Александра прокрутила в голове разговор с Уфимцевым, села в машину и захлопнула дверцу. Глупо. Все глупо. И зачем она только приехала сюда?! Хорошо хоть письмо не показала Уфимцеву, не доставила дополнительного удовольствия и повода для издевок этому «медведю». Надеялась… Но теперь надежды нет. Нужно взять себя в руки, забыть раз и навсегда о Пьере, достать свои старые записи, покопаться в них и…

– Я придумаю что-нибудь, – твердо произнесла Александра, выделяя каждое слово, но где-то далеко настойчиво повторялось: «Все пропало, все пропало, все пропало…»

Англия, давно позабытый год

«…Кэролайн, Ваше письмо явилось для меня приятной неожиданностью. Я бесконечно рад и признателен Вам за каждую строку, за каждое слово.

Я тоже отметил, что погода стоит замечательная, и, если прошлый сентябрь измучил всех дождями, то в этом году осадки редки и не слишком докучают.

Очень надеюсь увидеть Вас у Кеннетов, и, прошу, не забывайте, что первые два танца обещаны мне. Надеюсь, Вы не обидитесь за мое настойчивое напоминание об этом…»

Кэри опустила листок на колени, но тут же приподняла его и перечитала ответ в пятый раз. Лестон вновь называл ее лишь по имени, и в этом было что-то томительное и тайное, что укрепляло надежду и переполняло счастьем.

– Ну что, Сьюзан Бакер? Ну что, Эллис Кеннет? – Кэри наклонила голову набок и хитро улыбнулась. – Осмелились бы вы написать письмо Чарльзу Лестону? Точно, нет. – Она бросила игривый взгляд на окно, и, не переставая улыбаться, закружилась посреди комнаты.

«О, как можно обидеться на подобные настойчивые напоминания! И уж, конечно, невозможно забыть, кому отданы первые два танца!»

– Извини, Сьюзан, извини, Эллис, – Кэри остановилась и, тяжело дыша, приложила ладонь ко лбу и бухнулась в кресло. Нужно срочно написать ответ! Но нельзя же так скоро! И мальчуган, ее почтальон, сказал, что если понадобится, то его можно будет найти завтра на том же месте приблизительно в тоже время. С утра из-за наплыва покупателей он помогает отцу продавать хлеб, а потом до обеда слоняется по улицам.

Аккуратно сложив письмо, Кэри задумалась над текстом ответа. Если бы она окончательно позабыла правила приличия или бы знала Лестона побольше, она бы с удовольствием написала, что Дафна измучила ее нравоучениями, а в них совершенно нет смысла. Все равно же не получится воспринимать окружающий мир так, как воспринимает его мачеха. И чтобы жить по ее правилам, нужно быть…

– М-м-м… не живой, – закончила мысль Кэри. – То есть… – Она приподняла брови. – То есть Дафна хочет того, чего не может быть. Понимаете, мистер

Лестон?

Оставив эти умозаключения при себе, вытерпев до вечера, она написала следующее письмо, в котором заверила, что помнит о первых двух танцах и мечтает поскорее оказаться у Кеннетов чтобы… полюбоваться их картинами.

– Глупые, ненавистные правила приличия, – ворчала Кэри, запечатывая конверт, – меньше всего на свете меня интересуют эти картины.

На следующий день добродушный мальчуган вновь отнес Лестону письмо, но ответа, к великому огорчению, не последовало.

– Я встретил его около дома, он садился в экипаж. До чего же красивые лошади, мисс! – добросовестно рассказывал мальчуган, постоянно шмыгая носом.

– Не отвлекайся, прошу тебя, – ругала и умоляла Кэри.

– Он взял конверт, и все. Я спросил, будет ли ответ, но мистер лишь махнул рукой.

– Он торопился? – подыскивала оправдание Кэри.

– Наверное, мисс, откуда мне знать.

Ответ так и не пришел, и к Кеннетам она поехала чуть недовольная, чуть огорченная, но увлеченная Лестоном еще больше. «Возможно, он и прав, – размышляла она, поднимаясь по ступенькам. – Есть же эти невыносимые правила приличия…»

Глава 4

Димка Бобриков ей не очень-то нравился. То есть она испытывала к нему положительные чувства и даже некоторую нежность, но это не имело никакого отношения к сердечному трепету, воздушной влюбленности и вдохновенным

мечтам. Не имело и все тут. У Димки были лопоухие уши, конопатое лицо и ярко-рыжие волосы, и Настя буквально млела от этого сочетания. «Ну почему же ты – Бобриков? Ты должен быть Лисичкин, – думала она, улыбаясь, – или Солнышкин. И только не смотри на меня так… Я своего принца еще не встретила». Она то проносилась мимо, то притормаживала, то приходила на тренировку и сидела на жестком пластиковом кресле в зрительном зале – наблюдала. Насте вообще нравилось наблюдать.

Димка смущался, когда она оказывалась поблизости, и в такие моменты становился удивительно милым. Щеки немного розовели, губы подрагивали, глаза сияли. Ему было совершенно все равно, что Настя старше его на два года и что она – младшая сестра тренера… Он немел, терял слова, забывал о возложенной на него ответственности, о целях и о задачах. Но вот о Тольке Горбенко и о Максе Цапкине он не забывал, потому что искренне считал их своими соперниками.

– Насть… – Димка отвел глаза в сторону, помолчал немного и все же закончил мужественную речь: – …давай вечером встретимся… Прогуляемся до поселка и обратно. А?

– С ума сошел? – легко спросила она, не нуждаясь в ответе. – У нас с тобой дружба. Понятно?

– Ну, вот и будем дружить – до поселка и обратно, – протянул Димка и бросил робкий взгляд на предмет своего обожания.

Настя сунула в рот последний ржаной сухарик, похрустела немного, смяла пакет, выбросила его в высокую узкую урну, вынула платок из заднего кармана светлых рваных на коленях джинсах и вытерла руки.

– Тебе шестнадцать лет, – произнесла она, безошибочно зная, что он сейчас вспыхнет. – А мне восемнадцать…

– И что!

– Дружбе, конечно, не помеха, – в Настиных глазах запрыгали смешинки. – Но…

– Ты посмотри на себя. – Димка быстро оглядел ее с головы до ног. – Маленькая и худенькая. Тебе вообще четырнадцать лет дашь.

– Ну, ты загнул!

– Ладно, шестнадцать. – Димка сунул руки в карманы брюк. – Ты мелкая, а я большой. И-и-и… нормально смотримся.

Эта была правда. Настя выглядела, как подросток (до восемнадцати лет явно не дотягивала), а вечные джинсы, укороченные курточки и пиджачки, футболки с бабочками, цветочками и собачонками, челка, падающая на лоб, лишь способствовали этому. Димка же был парнем рослым и крепким. А еще – быстрым, когда он бежал по полю с мячом, аж дух захватывало.

Настя прошлась по раздевалке вдоль скамеек и шкафчиков, резко обернулась, наклонила голову набок и призывно сказала:

– Димка, подойди ко мне.

«Ладно, поцелуюсь с ним, – решила она и бесшумно вздохнула. – Он такой милый».

Ее обжигало любопытство, и очень хотелось увидеть смущение на лице Димки. И порадовать его тоже хотелось. И еще у нее бывало такое частое душевное состояние, когда непременно нужно нашкодить… Настя никогда не боролась с собой – с головой бросалась в омут, а потом пожимала плечами и «получала по ушам» от старшего брата. Виктор заменил ей отца и мать и, конечно, имел право на жесткий воспитательный процесс, но за десять лет успеха в педагогической деятельности не достиг… Футбольную команду строил на раз, два, три, из закоренелых оболтусов отличников делал (только бы Виктор Сергеевич от тренировки не отстранил!), а ее изменить не мог. Не получалось, хоть ты тресни!

Димку уговаривать не пришлось, он остро почувствовал, что сейчас на его улице будет праздник, и рванул к Насте. Притормозил, заглянул ей в глаза и позволил своим ушам покраснеть.

– Я красивая? – «для поддержания разговора» спросила она, не сомневаясь в ответе.

– Конечно! Еще бы! – выпалил Димка и, чуть помедлив, сделал последний шаг. – Насть…

Она положила руки ему на плечи, встала на цыпочки и закрыла глаза. Ее овальное личико было абсолютно спокойным, детским и трогательным. Никому бы не пришло в голову, что это юное создание способно свести с ума кого угодно, причем в рекордно короткие сроки. Что Виктор Сергеевич Веретейников, которому в этом году исполнилось тридцать два года, плохо спит, если берет на учебно-тренировочные сборы свою младшую сестру. И в Москве он тоже плохо спит, потому что этого чертенка лучше далеко от себя не отпускать…

Слова у Димки закончились, он обвил тонкую талию Насти крепкими ручищами и прижался губами к ее губам. Сначала он целовал робко, а потом почувствовал себя увереннее и усилил натиск. Но тут же смешался и превратился в нежного котенка. Настя ответила на поцелуй и… И раздался глухой стук! Это Виктор Сергеевич Веретейников распахнул дверь раздевалки, а та в свою очередь врезалась в угол шкафчика.

– Бобриков! – взревел он. – Настя! Я тебя зачем с собой взял?! Чтобы ты целовалась со всей футбольной командой, в основном состоящей из озабоченных бездельников?! А тебя я зачем взял?! Чтобы ты развлекался с моей сестрой?!

Наверное, Виктор еще много чего мог выпалить, но гнев не позволил ему этого сделать.

– Мы один разочек, – пискнула Настя, подняла руки, признавая поражение, и сделала два шага назад. – Сдаюсь, клятвенно обещаю, что до свадьбы больше не буду.

– До какой свадьбы? Я сейчас устрою тебе такой разочек… – Виктор ринулся вперед, но на полпути переключился с одного виновного на другого. – Марш отсюда! – взревел он, глядя на Бобрикова. – А то я сейчас…

– Это я во всем виновата, – закивала Настя.

– А в этом никто и не сомневается! Половина команды ходит, как умалишенная, забыли уже, что такое мяч! Сколько можно вертеть хвостом!

– Виктор Сергеевич, – пробасил Димка, – она ни в чем не виновата… Это я…

– Я сказал, убирайся отсюда!

– Иди, Дима, иди, – благословила Настя и сделала еще три опасливых шага назад. – Мне Виктор Сергеевич ничего не сделает, а тебя в сердцах убить может…

Она развела руками, но тут же прижала их к себе – поджилки тряслись, и сбежать тоже очень хотелось. Посердится, посердится Виктор, а потом успокоится, главное – время переждать.

Димка посмотрел на Настю.

– Иди, – строго приказала она. Рыцари, спасающие ее от гнева брата, сейчас абсолютно не были нужны.

– Завтра чтобы на поле был в шесть утра! – прогремел Виктор, старательно сдерживая все свои порывы. «Оторвать бы сейчас вот эти красные оттопыренные уши!» – читалось на его лице. – Понял? Я сказал, марш отсюда!

Димка исчез, и Настя почувствовала себя более спокойно.

– Я даже не знаю, как так получилось, – она вжала голову в плечи и изобразила раскаяние. – Наверное, мне не хватает… м-м-м… заботы и внимания…

– Ремня тебе не хватает! Широкого кожаного ремня! Теперь-то пороть уже поздно – это ясно… О чем я раньше-то думал!

Родители умерли давно, и вся забота о маленькой Насте легла на плечи Виктора. Уж он ее и любил, и баловал. Всю жизнь увлеченный футболом, он до травмы колена сам играл за любимый клуб, а потом взялся обучать подрастающее поколение. Времени в обрез, да еще вечные сборы – иногда приходилось обращаться к соседке, чтоб присмотрела, иногда к родственникам. От школы-то

далеко Настю не увезешь. А теперь она учится в институте и вообще – катастрофа! Вроде маленькая, худенькая, косметикой практически не пользуется, а табун парней за ней вечно тянется! Или ему из страха так постоянно кажется? Нет, не кажется! Только что видел! Еще в прошлый раз себе слово дал: «Настю брать не буду, хватит, намучился!» Чуть ли не вся команда глазами ее сверлила! Но и не оставишь же одну… Кого хочешь эта малявка вокруг пальца обведет, натворит дел и глаза потупит… «Ой, случайно получилось… Шла мимо, и как-то сам собою армагеддон случился…» И взял опять. И опять та же песня. Третьи сутки Горбенко какие-то заунывные песни поет под гитару, а Цапкин проколол ухо и (идиот!) иголкой нацарапал на руке «Анастасия». Ладно, что у этих шестнадцатилетних бездельников в организме бродит – ясно, но Настя-то уже должна соображать! Восемнадцать лет!

– Ты всегда мне все запрещаешь, а сам… – Настя подалась вперед и без всяких обид добавила: – У тебя уже было пять женщин. То есть их, наверное, было больше, но я знаю только об этих.

– Я мужчина, и мне не восемнадцать лет, – припечатал Виктор и нервно расстегнул молнию спортивной кофты. Жарко ему стало еще пять минут назад.

– Я запуталась, – пожала плечами Настя. – Восемнадцать лет – это много или мало? Сначала ты говоришь, что…

– Не умничай! – рявкнул Виктор. – Завтра же ты едешь в Москву. И это последний раз, когда я взял тебя с собой.

– Я могу уехать сегодня. На электричке.

– Нет!

– Завтра на электричке? – уточнила она.

– Нет!

– На машине? А с кем?..

– Боже, – простонал Виктор, всплеснул руками и возвел глаза к потолку. – Что мне с ней делать? Вот что? Господи, помоги, научи! У всех сестры, как сестры, а у меня маленькое шкодливое чудовище… – Он резко повернулся к Насте и сказал: – Ты хотя бы понимаешь, как мне тяжело с тобой?

– Мне кажется, – начала она тихо, – будет легче, если ты, наконец, признаешь, что я взрослая.

– В зеркало на себя посмотри, малявка ты этакая!

– Заметь, я на тебя вообще не обижаюсь, – миролюбиво улыбнулась Настя.

– Тихий ужас, – прокомментировал Виктор и добавил: – Иди к себе и не выходи из комнаты до утра. Увижу еще раз с Бобриковым, в порошок сотру. Ясно?

– Вполне, – ответила Настя, прикидывая, какой это по счету ее домашний арест. Три тысячи пятый или три тысячи шестой?

* * *

До сентября почти месяц… Потом будет проще – он вернется в Москву, а у Насти начнется учеба. Наконец-то! Мозги у этой малявки хорошо работают, в институт вприпрыжку бежит. Нет, лучше не задумываться о том, почему она, собственно, туда бежит… Получать знания! Сплошные зачеты и отлично – не придерешься! Виктор быстро переоделся и посмотрел на часы. Утрясет, утрясет он все организационные вопросы – не в первый раз! Завтра к нему должен заскочить Андрюха – бывший одноклассник, вот он и отвезет Настю домой. Нет, не домой… К тетке! С Сашей он договорится. Сейчас позвонит и договорится. «Ничего, пообщаются, обменяются впечатлениями, сходят куда-нибудь… Давно же не виделись». А то что за ерунда – живут в одном городе, тридцать минут на метро друг от друга, а встречаются через год по праздникам.

– Оставлять Настю здесь нельзя… Не сборы, а водевиль какой-то получается.

Женщин она его вспомнила, пересчитала… А о том, как извела всех пятерых в порядке общей очереди, не забыла? Ладно, он и сам их не очень-то любил, но не в этом дело…

– К тетке!

Виктор быстро набрал номер Андрея, послушал гудки, а затем произнес с неподдельной радостью и внутренним облегчением:

– Привет, так рад тебя слышать.

– Привет! – раздался в ответ бодрый голос бывшего одноклассника.

– Слушай, у меня к тебе дело есть… Только не вздумай отказывать! На тебя вся надежда. Сестру мою завтра захватишь с собой? Она мне тут совершенно работать не дает.

– Настя? А что такое? Она же у тебя такая симпатичная малышка. Две косы и нос кнопкой.

«Ты что, обалдел?! – чуть не взревел Виктор. – Какие косы, какие кнопки! Это мое личное наказание-чудовище!»

– Да ей уже восемнадцать лет! – только и смог выдохнуть он.

– Обалдеть, вот время летит…

– Понимаешь, Настька моим пацанам головы задурила. Повлюблялись все по уши, а она и рада. Отвезешь ее завтра к тетке?

– Да не проблема, – раздалась в ответ усмешка.

– Только умоляю тебя, передай ее из рук в руки… То есть тетке в руки вручи и лишь после этого уезжай. Одну не оставляй ни на минуту.

– Ты это серьезно?

– Абсолютно. И знаешь еще что… – Виктор замялся, но потом все же решил добавить: – И ты ее не слушай. Вообще не слушай. И лучше на нее не смотри. – Он тяжело вздохнул. – Я тебя завтра еще проинструктирую.

Англия, давно позабытый год

Дом Кеннетов находился в престижном районе, и уж, конечно, никто не сомневался, что у Эллис Кеннет, обладательницы лебединой шеи, округлых плеч и тонкой талии, никаких проблем с приданым нет. В этом году ей исполнилось девятнадцать, но пристроить дочку замуж родители не спешили. Глава семьи считал, что вполне вправе придирчиво выбирать мужа для единственного чада, и, как поговаривали, уже отказал трем претендентам, желающим назвать Эллис своей женой. Придирчивость – это была семейная черта Кеннетов, и привычка морщить нос успешно передавалась из поколения в поколение многие годы.

Кэри не раз приходилось испытывать на себе высокомерный и презрительный взгляд Эллис, недвусмысленно подчеркивающий тот факт, что Кеннеты по положению находятся куда выше Пейджов. Но задевало это только первое время, так как всегда можно найти уловку, которая поможет отгородиться от колких насмешливых глаз. Кэри иногда мысленно пририсовывала на нос Эллис крупную, бесформенную, коричневую бородавку, и от этой тайной шалости становилось веселее. И после этого фразы: «Дорогая, откуда у тебя такое ужасное платье?» или «А что, твоя мачеха не разрешает тебе носить украшения?», – летели уже мимо, не принося огорчения.

Кеннеты встречали гостей у дверей зала. Балы в этом семействе давались довольно часто, и обстановка Кэри была знакома, меняли положение лишь кресла, стулья и столы, и в вазах стояли то одни цветы, то другие, в зависимости от времени года, настроения хозяев и цвета платья Эллис. Этим вечером хозяева решили удивить гостей пирамидой, сооруженной из искрящихся бокалов, но даже если бы сейчас с потолка ударили гром и молния или попросту бы рухнула многоэтажная люстра, Кэри не выказала никакого интереса. Чарльза Лестона пока не было видно, и только это волновало и даже наполняло душу досадным раздражением. «Я здесь, а где он?» Тонкие брови почти встречались на переносице, а из груди вырывался очередной тихий нетерпеливый вздох.

– И Маркус Гилл, и Тод Джефф уже приехали, – многозначительно произнесла Дафна. – Кэролайн, я надеюсь, ты вспомнишь все, о чем я тебе говорила, перестанешь витать в облаках и сосредоточишь свое внимание на одном из этих молодых людей. Мне приятна мать Гилла – очень разумная женщина, ты ей, кстати, очень нравишься.

– Да, конечно, – автоматически согласилась Кэри, пропустив мимо ушей половину слов мачехи. Какой Гилл, какой Джефф… Сегодня на ней надето бледно-голубое платье с пышными рукавами, нежными кружевами, украшенное тремя небольшими атласными розами на груди, волосы собраны на затылке, ровные локоны касаются шеи, сердце поет, а дерзкие мечты щекочут нос…

– Посмотри на Эллис, она умеет подать себя. Тебе, моя дорогая, нужно брать с нее пример. – Дафна прикоснулась кончиками пальцев к виску, прищурилась и добавила: – Вот уж кто точно не станет старой девой. Эта участь ужасна, надеюсь, мне не нужно объяснять тебе почему?

– Не нужно, – торопливо мотнула головой Кэри, разумно опасаясь, что сейчас ей придется выслушать длинную речь, выводом из которой будет срочное и обязательное замужество с одним из выбранных мачехой кандидатов. «Ни за что», – мысленно добавила она и увидела Чарльза Лестона. О, он выглядел великолепно, и сразу был окружен Кеннетами. «Морщи нос! Ну же!» – привычно потребовала Кэри, глядя на Эллис, но та с удовольствием одарила нового гостя улыбкой и произнесла минимум две фразы. К сожалению, их смысл остался неизвестен, зато Лестон лишь учтиво коротко ответил, кивнул и отправился дальше, давая возможность хозяевам проявлять радушие и по отношению к другим.

– …я раньше не верила подобным разговорам, но однажды убедилась сама, – долетела до слуха последняя фраза Дафны.

– В чем? – автоматически переспросила Кэри, выдохнув на этот раз счастливо.

– В том, – последовала продолжительная пауза, – что старые девы дурно пахнут. Да, да, моя дорогая, они со временем начинают источать неприятный запах, и с этим уже ничего нельзя поделать.

Дафна дернула острым плечом, окатила Кэри взглядом, означающим: это может случиться и с тобой, и засеменила к матери Маркуса Гилла. Огромный нелепый бант, прикрепленный к ее малиновому платью на линии талии, покачивался в такт движениям, будто соглашался с каждым произнесенным словом.

«Лучше бы меня сопровождал отец, – мрачно подумала Кэри, – вряд ли он когда-нибудь нюхал хоть одну старую деву».

Глава 5

Англия, давно позабытый год

Когда Лестон поймал ее взгляд, он чуть поклонился и сдержанно улыбнулся. Волна вполне объяснимого восторга пронеслась по телу Кэри с головы до ног, оставив после себя странное ощущение. Захотелось немедленно что-нибудь сделать, причем прямо на глазах у всех… Возможно, подойти и решительно заговорить. Но она не двинулась с места, удерживаемая благоразумием, осторожностью и колючим страхом. Страхом, пока еще непонятно в какую сторону направленным… Чего именно стоит бояться больше? Того, что леди Келли, леди Хокинз и леди Бутман поставят на ней клеймо очередной бесстыдницы, или Чарльз Лестон посчитает ее несдержанной и даже навязчивой? Проплыть мимо, еще раз встретиться взглядом, обменяться двумя-тремя фразами… Это же не возбраняется? Нет… Но выглядит не очень хорошо, если учесть, что мимо Лестона (в надежде обратить на себя внимание) курсирует половина присутствующих девушек, разодетых, кстати, куда лучше, чем Кэролайн Пейдж. Но разве своей улыбкой он не сказал: «Между нами есть маленькая тайна – наши письма»? Разве не эта связующая нить потянулась от него к ней?

«Я очень романтичная, – улыбнулась Кэри. – Но я буду стоять, точно колонна, пока он не подойдет ко мне». Она подумала о том, что если бы Лестон был блондином, он бы ей так сильно не понравился, хотя… Его крепкая фигура, уверенные движения, голос… «Определенно он самый лучший!»

– Кэролайн, я очень рада тебя видеть. – Кэри обернулась и увидела Эллис Кеннет. На этот раз ее нос был сморщен. Сейчас, сейчас придется защищаться. – У тебя новое платье?.. Надо же, кто бы мог подумать… Довольно милое, но розы, поверь мне, лучше отколоть. Они не слишком-то похожи на настоящие. – Эллис фыркнула, а затем криво улыбнулась, стараясь изобразить ложное сочувствие. Ожерелье на ее шее сверкало так, что можно было ослепнуть, и Кэри не сомневалась: сейчас Эллис небрежно дотронется до него, желая лишний раз подчеркнуть свое превосходство. К счастью, сама она относилась к украшениям с равнодушием, хотя и понимала их ценность и значимость в обществе.

– Мне бесконечно нравятся эти розы, – ответила Кэри, старательно протянув слово «бесконечно». – Мой двоюродный дядя привез их из Парижа, – соврала она, не моргнув глазом. – И они идеально подходят к платью.

– Так у тебя есть двоюродный дядя? Ах, да, у вас же много родственников… Твоя мачеха что-то говорила и про графа, но… – Эллис ласково дотронулась до ожерелья и пробежалась тонкими пальчиками по сияющим камушкам. – Я уже порядком устала принимать гостей, – сменила она тему. – Такой труд! Но вряд ли ты когда-нибудь сможешь это прочувствовать на себе.

– И я очень рада этому, – легко ответила Кэри. – Не хочу стоять около дверей целый час, натужно улыбаться и покрываться потом.

Она отлично отбила едкую фразу Эллис и поэтому позволила себе короткую улыбку. Конечно, не стоило упоминать про пот (леди Келли, леди Хокинз и леди Бутман наверняка бы округлили глаза, услышав это), но, с другой стороны, кое-кому тоже не нужно было трогать атласные розы!

Брови Эллис Кеннет подскочили на лоб, пухлые губы превратились в ровную черту – как можно было позволить подобный намек по отношению к ней! «Да как эта простушка Пейдж смеет!» – вот что было написано на ее круглом холеном лице.

– Маленькая завистливая дрянь, – прошипела Эллис, не справившись с гневом. – Когда ты выйдешь замуж за тупицу Маркуса Гилла и получишь в придачу его толстую беспардонную мамашу, ты наконец-то поймешь, какое место тебе отведено в этой жизни. – Она сверкнула глазами-льдинками и пошла прочь.

– Леди Келли, леди Хокинз и леди Бутман вряд ли бы одобрили твое поведение, Эллис, – тихо произнесла Кэри с наигранным разочарованием и двумя не менее наигранными вздохами. – Такое поведение недопустимо.

Она услышала первые звуки фортепьяно, развернулась к светской публике и увидела перед собой… Чарльза Лестона. Он стоял на расстоянии вытянутой руки, спокойный, красивый, ожидающий ее внимания.

– Вы позволите? – спросил он с приятной улыбкой. И добавил: – Вы обещали.

– Да, – ответила Кэри.

Разве не этого момента она ждала столько минут, часов и дней, разве опять не связала их невидимая нить? Он несомненно был рад ее письмам, он не нашел в них ничего предосудительного и каждым взглядом, словом и действием дает понять, что так же ожидал первых двух танцев у Кеннетов, как и она сама.

«Какая же я счастливая и везучая», – радостно подумала Кэри.

Они заняли место за уже выстроившимися парами, взялись за руки и приготовились к танцу.

– Вы волшебно выглядите, Кэролайн, – еле слышно произнес Лестон, поворачиваясь.

Кэри мудро промолчала, лишь бросила на него быстрый взгляд и потупила взор. Все же общаться с мужчинами очень трудно: либо слова куда-то убегают, либо, наоборот, хочется сказать слишком много. Еще есть вечное дурацкое «нельзя», а еще отчего-то печет в груди… Шагнув два раза вперед и два назад, Кэри сделала попытку выглядеть очень серьезной и сосредоточенной. На всякий случай. Дафна всегда ругается, когда она легко и просто выдает свои мысли, по мнению мачехи, каждая порядочная девушка должна произносить только: «да», «нет», «возможно», и то лишь тогда, когда ей зададут вопрос. При этом каким-то образом нужно умудриться понравиться, успеть продемонстрировать природное очарование («а у тебя оно временами проскальзывает, Кэролайн») и тем самым не пропустить достойного мужа.

«Слишком сложно, – усмехнулась Кэри, и налет ложной серьезности мгновенно слетел с нее. – И слишком скучно».

Два танца, обещанные Лестону, закончились до обидного быстро, и, увы, теперь предстояло уделить внимание другим партнерам.

– Я только что слышала, как Маркус Гилл сказал своей матери, что ты хорошенькая, – торопливо сообщила Дафна, когда Кэри, поболтав с дочкой Адамсонов – пятнадцатилетней хохотушкой, отошла к столику с напитками. – Он пригласит тебя, а ты улыбайся и обязательно поддерживай непринужденную

беседу. Никто, никто и никогда не сможет упрекнуть меня в том, что я плохо забочусь о твоем будущем.

– Но о чем же мне с ним говорить? – беззаботно поинтересовалась Кэри, сомневаясь, что мачеха придумает хотя бы одну тему. – О погоде?

– Это слишком банально. – Дафна даже махнула рукой от недовольства. – Придумай что-нибудь сама и не забудь в середине беседы отдать должное его уму. Это заблуждение, что комплименты нравятся только женщинам.

– Его уму? – Кэри потеряла дар речи, покосилась на Дафну, а затем вернула взгляд в центр зала. Лестон танцевал с незнакомой черноволосой девушкой, одетой в пышное розовое платье, и на его лице не отражалось ничего, кроме равнодушия (что, конечно, переполняло душу радостью).

– Да, уму, – прочеканила Дафна. – Пожалуй, я поговорю с твоим отцом… Ты мне слишком много перечишь, Кэролайн. А это недопустимо. – Она подергала длинным утиным носом, а затем продолжила: – Чарльз Лестон пригласил тебя на два танца, не думай, будто я не заметила этого. Но не надеешься же ты, что такой мужчина может выбрать тебя в жены? Хватит витать в облаках, моя дорогая. Тебе совершенно не хватает здравого ума и практичности.

– Наверное, это все досталось Маркусу Гиллу, – улыбнулась Кэри, – о чем я непременно ему скажу во время танца. Обещаю.

Смех подпрыгнул в груди, и пришлось задержать дыхание и напрячь живот, чтобы он не вырвался на свободу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/yuliya-klimova/princev-mnogo-ne-byvaet

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити